тельно искусной резьбы. Джим поднял ее, сунул в карман и сказал:

— Мы на верном пути. Эта головка отвалилась от мундштука и упала. Принадлежала трубка раненому старому индейцу или молодому воину, мы скоро узнаем.

— Наверняка старому. Молодой вряд ли успел уже побывать в Миннесоте, чтобы накопать в священных карьерах глины для трубок.

— А вдруг она досталась ему как трофей? Такой он пользоваться вправе, а унаследованной — нет.

— Какой индеец наследует трубку? Ее закапывают вместе с умершим или погибшим.

— Есть племена, где особой строгости в соблюдении этого закона больше нет. Благотворное влияние улыбчивых и добросердечных бледнолицых сказывается и в том, что касается прав собственности. Между прочим, судя по тотему на головке, владелец трубки — команч, и не простой, а вождь. Хорошо, что мы знаем язык этого племени. Окликнем их, чтобы случайно не подстрелили. Когда меня покусывают пули, я ни с чем не сравнимого удовольствия не испытываю.

Они остановились перед довольно высоким терриконом, отвалом выброшенной из рудника пустой породы. О высоте террикона судить было трудно — совсем стемнело.

Братья перебросили уздечки через головы мулов и закрепили их между двумя тяжелыми камнями. И начали неспешно карабкаться вверх по террикону. Они отнюдь не старались не наделать шума. Напротив. Однако после каждого шажка останавливались и прислушивались. Важно убедиться, есть ли кто наверху, и в случае чего окликнуть, прежде чем он спустит курок.

И вот они услышали шум небольшого камня, скатывавшегося сверху.

— Осторожно! — прошептал Джим. — Видишь,

мы не ошиблись, предположив, что индейцы наверху. Их не проведешь — бдят! Раненый, если не умер, лежит внизу, в руднике, а молодой индеец сторожит. Позови его, Тим!

Тим кивнул; несколько измененным голосом он довольно отчетливо, пусть и не очень громко прокричал:

— Tuquoil, omi gay nina; tau umi tsah! — Не стреляй, молодой воин, мы твои друзья!

Через некоторое время братья услышали ответ-вопрос:

— Haki bit? — Кто идет?

Всего три коротких слога, а сразу стало ясно, кто там, наверху: именно так окликали беспорядочно кочующие по пустыне команчи своих бывших врагов, а нынешних союзников из племени киова:

— Gia ati masslok akona. — Два добрых белых человека, — ответил Тим.

— Bite uma yepe! — Поднимайтесь наверх! — послышалось сверху после некоторой паузы.

Когда они оказались на самом верху террикона, увидели перед собой силуэт высокого мужчины с ружьем наперевес.

— Naba, onu neshuano! — Стой, стрелять буду! — приказал команч.

Перед братьями, как они и ожидали, предстал молодой индеец. Тим поспешил заверить его:

— Моему юному краснокожему брату незачем стрелять. Мы пришли помочь ему.

— Мои белые братья одни?

— Да.

— Они шли по следам моей лошади?

— Мы случайно оказались на месте схватки и узнали по следам, что и как произошло. Идя по твоему следу и следам твоих врагов, мы решили помочь вам, храбрым воинам! А они — подлые бандиты, позорно бежавшие от нас, хотя их было больше.

— Мой брат говорит правду?

— Я не лгу. В знак дружбы мы положим перед тобой наши ружья. Ты скажешь потом, можем ли мы снова взять их или нет.

Они сложили ему под ноги свои ружья и ножи. Индеец по-прежнему держал их на прицеле. Он сказал:

— У бледнолицых мед на губах, а в сердцах желчь. Чтобы войти в доверие, они сложат оружие, а потом явятся три их сообщника и принесут с собой смерть.

— Ты принимаешь нас за тех, кто вас преследовал. Но ты ошибаешься.

— Тогда ответьте, где те пятеро! Раз вы шли по следу — должны знать!

— Мы встретились с ними на каменистой равнине, когда они искали потерянный след. Сначала мы говорили с ними дружелюбно, чтобы вызвать доверие. Обнаружить твой след им не удавалось. А мы сразу увидели капли крови из раны твоего спутника. Но им об этом — ни слова. Сделали нечто вроде ложного следа — как будто вы поскакали на запад. А им прямо сказали, что они грабители и убийцы, и направили на них свои ружья точно так же, как сейчас ты на нас. Они струсили и удрали.

— Почему вы не убили их?

— Потому что они нам ничего не сделали. Мы стреляем лишь тогда, когда вынуждены защищать свою жизнь.

— Вы говорите слова добрых людей. Сердце повелевает подарить вам доверие; а другой голос взывает к осторожности.

— Не следуй его призыву, повинуйся голосу сердца! Мы пришли к тебе с добром. Сам подумай: зачем мы здесь? Ты нам вроде не причинил вреда; значит, и у нас не может быть недобрых намерений. Мы знаем: тебя преследовали; следы подсказали, что твой друг ранен. У нас одна цель — помочь вам. Если ты в нашей

помощи не нуждаешься, мы немедленно уйдем. Мы никому и никогда не навязываемся.

Некоторое время — недолгое, впрочем, — молодой индеец хранил молчание, размышлял, и сказал наконец:

— Мне ваша помощь не нужна. Можете уйти.

— Хорошо. Мы уйдем. Смотри не пожалей о своих словах.

Взяв оружие, начали спускаться с террикона. Примерно на половине пути вниз Тим остановился и тихонько спросил:

— Ты ничего не слышал, старина Джим? Мне почудилось, будто там, сверху и справа, покатился камень.

— Нет, я ничего не слышал.

— Неужели за нами кто-то крадется? Держи уши на макушке.

Они продолжили спуск. Когда оказались у подножья террикона, с земли поднялся и вырос прямо перед ними человек.

— Стой, парень! — воскликнул Джим, вскидывая ружье. — Ни шагу, не то я стреляю.

— Зачем бледнолицему стрелять, если перед ним друг? — послышалось в ответ.

Он узнал голос молодого индейца, с которым только что говорил.

— Это ты? — переспросил он. — Спустился одновременно с нами? Так вот что слышал Тим! Ты сбил ногой камень... Что тебе здесь понадобилось?

— Хотел проверить, правдивы ли слова белых людей. Будь вы врагами, вы бы меня не оставили. Но вы повиновались мне, не сопротивляясь. Вы выдержали испытание! Вы не из тех людей, которые меня преследовали. И я прошу вас пойти вместе со мной к Тэвуа-шохе — моему отцу.

— Как, Тэвуа-шохе, Огненная Звезда, знаменитый вождь команчей, — здесь?